

Зарубина К.А., аспирант, преподаватель, Юго-Западный государственный университет, Курск (Россия)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАДЗОР ИЛИ МЕТОДЫ РАБОТЫ С «ПОЛИТИЧЕСКИ НЕБЛАГО- НАДЁЖНЫМИ ЛИЦАМИ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX- НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹

На примере Курской губернии в статье рассматриваются основные методы работы власти с лицами, имеющими сомнительную «политическую благонадёжность», «потенциальными» и «реальными» политическими преступниками во второй половине XIX – начале XX вв. В данной работе исследуются виды полицейского надзора (подследственный, судебный и административный). Особое внимание уделяется анализу гласного и негласного (секретного) режимов полицейского надзора. Негласному (секретному) надзору в рассматриваемый период подлежали лица, которые своим поведением подавали какой-либо повод к недоверию (в политическом отношении). Гласному полицейскому надзору подчиняли лиц, чья «политическая благонадёжность» была установлена «официально», однако решением властей признано, что в отношении данных лиц для их исправления можно не применять более строгие меры государственного принуждения. Также в исследовании приведены основания для установления надзора за лицами, имеющими сомнительную «политическую благонадёжность», описаны механизмы взаимодействия разных ведомств Курской губернии, осуществляющих наблюдение за политической обстановкой в регионе, деятельностью «потенциальных», «реальных» политических преступников. В завершении исследования сделаны выводы о роли полицейского надзора (как гласного, так и негласного) в системе карательных и охранительных мер.

Ключевые слова: жандармы, жандармское управление, негласный полицейский надзор, гласный полицейский надзор, арест, политическое преступление, полиция, государственный преступник.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-57-62

В Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. интенсивно распространялись общественно-политические движения, в различных сферах жизни государства наблюдались кризисные явления. Это привело к включению широких слоев населения в активную борьбу против действующего строя. Кружковой период 1820-30-х гг. и «мрачное семилетие» Николая I заканчиваются, по стране распространяется консервативное, либеральное и народническое движения. Если к консерватизму и либерализму власть была либо благосклонна, либо равнодушна, то к пропагандистам, бунтарям и заговорщикам из народников и тем более к социал-демократам правительство относилось крайне негативно. В связи с распространением иных взглядов в обществе, диаметрально противоположных официально принятому политическому и социально-экономическому курсу, в стране начинают активно бороться с оппозиционным блоком. Для того чтобы придать этой борьбе легальный характер, в 1845 г. в стране принимают «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», которое «переживёт» несколько редакций. Впоследствии «Уложение о наказаниях

уголовных и исправительных» 1845 г. исследователи назовут первым полноценным уголовным кодексом России. Уложение имело общую и особенную часть. Государственным преступлениям был посвящён третий раздел, который заменил по первым двум пунктам третий раздел XV тома Свода законов Российской империи.

К преступлениям против императора и членов его семьи относили следующие деяния: умысел или преступное деяние против жизни, чести, здоровья и свободы государя, наследника престола, супруги императора и иных членов императорской семьи, попытку свергнуть государя с престола, лишить его верховной власти или ограничить её (раздел III, глава I, ст. 263, 264, 266); предложение совершить выше обозначенные действия или принять в них участие, создание сообщества или заговора (вступление в сообщество или заговор) с целью совершения подобных действий (раздел III, глава I, ст. 264); недонесение о преступных деяниях против государя и членов императорского дома, о произнесении «дерзких оскорбительных слов» против императора, членов государева дома (раздел III, глава I, ст. 265-266, 270);

¹ НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

© Зарубина К.А.

© Zarubina K.A.

составление и распространение изображений или сочинений, выражающих неуважение к личным качествам императора, его манере управления страной, к верховной власти, участие в составлении или распространении этих изображений или сочинений, преступный умысел на совершение указанных действий, наличие данных сочинений или изображений без распространения (раздел III, глава I, ст. 267); произнесение «дерзких оскорбительных слов» против императора, выставление в публичном или ином присутственном месте портретов, статуй, бюстов или других изображений государя, оскорбляющих его величество, недонесение о выше обозначенных действиях (совершение указанных деяний «в пьянстве, без нацеленного умысла» считалось смягчающим обстоятельством, хотя и это не исключало уголовную ответственность) (раздел III, глава I, ст. 268-269).

Особо выделяли такую группу политических преступлений как бунт и государственная измена: бунт, восстание скопом или заговором против императора, государства, верховной власти с целью изменить «образ» правления, порядок престолонаследия, ниспровергнуть правительство, умысел на совершение указанного преступления (раздел III, глава II, ст. 271); недонесение о приготовлении, совершении бунта, заговора, измены (раздел III, глава II, ст. 271); составление и распространение печатных или письменных воззваний, сочинений, объявлений, изображений, побуждающих к неповиновению верховной власти, бунту (раздел III, глава II, ст. 273); государственная измена, преступление «против народного права» («предательство» государя, правительства, государства, его части; выдача государственной тайны, совершение «неприятных» действий против России; «возбуждение» какой-либо иностранной державы к войне с Россией, «благоприятствование» во время войны неприятелю во «враждебных» действиях против Отечества) (раздел III, глава II, ст. 275) [16].

С целью противодействия развития революционной ситуации также была организована работа по привлечению органов власти к осуществлению новых «контролирующих» функций.

Одной из таких административных мер воздействия на общество был полицейский надзор, который закреплён законодательно, как средство контроля за

«политически опасными» лицами во второй половине XIX в. («Правила о полицейском надзоре» от 12 мая 1867 г., «Положение о полицейском надзоре» от 12 марта 1882 г., секретное «Положение о негласном полицейском надзоре» от 1 марта 1882 г., иные распорядительные документы МВД) [11; 12, с. 84-87; 13, с. 1-15].

Полицейский надзор делился на 3 вида: подследственный, судебный и административный. Подследственный надзор устанавливался до рассмотрения дела судом с целью пресечения уклонения лица от суда и следствия. По-другому этот вид наблюдения именовали «особым» надзором. Например, в 1901 г. под «особым» надзором полиции состояли мещанин Вайгзех, крестьянин Э. Кляuze, привлечённые к дознанию по обвинению в совершении государственного преступления [1, л.8].

Судебный надзор устанавливался по приговору суда. Эта мера государственного воздействия была направлена на предупреждение совершения новых преступлений со стороны лиц, которые уже отбыли наказание, назначенное судом. Причём Курская губерния в рассматриваемый период не входила в перечень мест, «запрещённых» для проживания поднадзорных, в связи с чем в курском крае отбывали такие «продлённые» наказания не только «местные» поднадзорные, но и поднадзорные, направленные из других регионов Российской империи [15, с. 28-55].

Административный надзор назначался во внесудебном порядке. Он устанавливался с целью предупреждения, пресечения нарушений общественной безопасности и спокойствия, внутреннего порядка и т.п. При этом в отношении высланных в административном порядке лиц (под гласный надзор) накладывались определённые ограничения. Например, поднадзорное лицо было обязано являться в полицию по первому требованию, а служащие полиции, в свою очередь, могли в любое время беспрепятственно входить в жилище данного лица, производить там выемки и обыски и др.

Также в рассматриваемый период существовало несколько режимов полицейского надзора: пожизненный и временный, гласный и негласный (секретный). И все эти режимы надзора применялись в рассматриваемый период, в том числе, и в Курской губернии. При этом каждая из разновидностей надзора была персонифицирована, поскольку

наблюдение велось всегда за конкретным лицом. Основания для установления надзора были следующими: приговоры судов, распоряжения органов власти (в том числе, и местной). Контролю полиции подлежали лица, вернувшиеся из ссылки на постоянное место жительства, выходцы из-за границы, другие «политически опасные элементы».

Негласному (секретному) надзору подлежали лица, которые своим поведением подавали какой-либо повод к недоверию (в политическом отношении) [10]. Ввиду того, что поднадзорное лицо не должно было догадываться о том, что за ним велась «слежка», никаких ограничений гражданских прав, личной свободы не устанавливалось. В случае если человек переезжал в другой регион, об этом сообщалось местной полиции, жандармерии, для того чтобы наблюдение не прекращалось. О выезде лица сообщалось в извещении, которое составлялось по специальной форме (Лит Б). Туда включалась информация об обстоятельствах, которые послужили основанием для учреждения негласного надзора; дате выезда; месте прибытия лица; иные важные сведения, «обнаруженные при переездах» [4, л.53]. Также в наблюдательное дело вносились личные сведения о поднадзорном: ФИО, сословная принадлежность, семейное и имущественное положение и др. Кроме того, ежемесячно служащие Курского губернского жандармского управления заполняли отчёты о поведении «политически неблагонадежных» лиц, состоящих под наблюдением властей. В отчётах обычно указывались сведения об образе жизни лица, его контактах с миром, новых знакомствах и связях, изменениях в семейном положении и т.п. Нередко сообщалось, чем человек занимался, с какими подозрительными лицами контактировал в течение месяца. Поведение чаще определялось как «неодобрительное», «удовлетворительное», «хорошее». Причём даже в дороге за поднадзорным неуклонно следили власти. Например, в 1903 г. революционерка М.Ф. Серчевская, состоящая под негласным полицейским надзором, проезжала через Курскую губернию, и в этот период курские жандармы продолжали вести за ней наблюдение. Ранее она «проходила по делу» о хранении и распространении опасной (в политическом отношении) литературы в качестве обвиняемой. Из-за сомнительной

«репутации» выслана в Орловскую губернию [6, л. 1-80].

При этом 2 раза в год жандармы составляли ведомости о лицах, состоящих в губернии под надзором, по специальной форме (Лит. В). Сначала в отчёте сообщалось о поднадзорных, наблюдение за которыми велось в связи с определением местных властей, Департамента полиции. В конце указывалось число лиц, состоящих под надзором, ввиду освобождения от тюремного наказания. Дополнительно в отчёте сообщалось об исключённых из вузов студентах (за участие в политических беспорядках). При этом число лиц, подчинённых секретному надзору, в рассматриваемый период в Курской губернии было невелико. Например, в 1898 г. под таким наблюдением в регионе находились 24 человека [9, л.34-35], а в апреле 1900 г. — 36 лиц (под гласным надзором — 12) [8, л. 41-124].

В рассматриваемый период в Курской губернии встречались случаи, когда под негласным надзором находились даже члены одной семьи. Например, в 1890 г. под негласным надзором полиции состояли сын рыльского священника А.А. Калистратов и его жена акушерка О.Г. Калистратова (Ройзь), которые были ранее высланы в г. Томск сроком на 3 года за совершение государственного преступления. После окончания гласного надзора их дела перенаправили в Курское губернское жандармское управление для подчинения секретному надзору [5, л.1-4]. Иногда лица, состоящие под негласным полицейским надзором, заключали браки между собой [4, л.1; 5, л. 1-4; 7, л. 36].

Если лицо до совершения политического преступления не состояло под надзором полиции, и сведений о нём никаких не было, то жандармское управление, прокуратура нередко отправляли соответствующие запросы на места для выяснения условий жизни поднадзорного. Вот пример одного такого запроса: «Покорнейше прошу Вас о наведении точной справки, когда именно Зуев проживал в г. Моршанске, действительно ли занимался адвокатурой <...> осталась ли после него семья, и из кого она состоит, и где после в настоящее время находится» (прокурор Курского окружного суда, 1898 г.) [2, л.60].

Нередко в процессе наблюдения выяснялось, что поднадзорный на самом деле не представляет опасности для общественной безопасности и спокойствия, в связи с

чем подозрения в его «политической неблагонадёжности» снимались. Например, в Курской губернии в рассматриваемый период негласный надзор был снят с крестьян Дмитриевского уезда И.К. Хохлова, В.Е. Дедкова и З.А. Курского, поскольку за всё время осуществления надзора указанные лица «не были замечены ни в чем предосудительном» [1, л.10]. Негласный надзор также прекращался в случае смерти лица, по особому распоряжению Департамента полиции, после учреждения гласного надзора за лицом или привлечения лица к какому-либо уголовному наказанию с лишением всех прав состояния или с высылкой в определённую местность (с выдворением). По завершению наблюдения жандармским управлением, как правило, составлялось представление о снятии надзора. Однако в том случае, если негласный надзор за лицом устанавливался по распоряжению Департамента полиции, местные жандармы также были обязаны отправить уведомление о снятии наблюдения в Департамент.

Гласному полицейскому надзору подчиняли лиц, чья «политическая неблагонадёжность» была установлена «официально», однако решением властей признано, что в отношении данных лиц для их исправления можно не применять более строгие меры государственного принуждения. Некоторым образом это напоминает современный институт условного осуждения. К основным способам контроля относили ограничения в выборе места жительства, передвижения. Причём гласный надзор, в свою очередь, подразделялся на строгий и обыкновенный. Строгий полицейский надзор отличался жестким контролем со стороны полиции. Лицо, например, могли ограничить в передвижении,

обязать являться в полицию в назначенные сроки и т.п. Чуть менее суровыми были меры государственного принуждения при назначении обыкновенного гласного надзора [15, с. 28-55]. Однако на практике эти два режима наблюдения фактически не различались. Нередко гласный надзор устанавливали в качестве дополнительного наказания при высылке на новое место жительства по решению суда. Как справедливо замечает исследователь А.А. Савилов, административная ссылка и установление гласного полицейского надзора над «политически неблагонадёжными» лицами составляли «единую систему мер, направленных на предупреждение совершения политических преступлений и имели своей целью противодействие революционному движению в России» [14, с. 110].

В 1904 г. «Положение о негласном политическом надзоре» было отменено. Однако для подсчёта лиц «вредных в политическом отношении» начальники губернских жандармских управлений и охранных отделений продолжили вести во вверенных им учреждениях списки лиц, состоящих под внутренним агентурным, наружным наблюдением, «сомнительных лиц по их образу жизни» [3, л. 300].

Таким образом, в рассматриваемый период в системе карательных и охранительных мер полицейский надзор играл значительную роль. Он осуществлялся в гласной и негласной (секретной) форме, устанавливался как в судебном, так и во внесудебном (административном) порядке. При этом наблюдение за «политически неблагонадёжными» лицами велось постоянно, и для этого полиция, жандармы использовали самые разные методы работы: от «слежки», до контроля за переездами поднадзорного.

Список литературы

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО) ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 10
2. ГАКО Ф.795 Оп.1 Д. 25 Л.185
3. ГАКО Ф.1642 Оп.1 Д. 7 Л.382
4. ГАКО Ф.1642 Оп.1 Д. 13 Л.424
5. ГАКО Ф.1642 Оп.1 Д. 14 Л.205
6. ГАКО Ф.1642 Оп.1 Д. 24 Л.89
7. ГАКО Ф.1642 Оп.1 Д. 26 Л.94
8. ГАКО Ф. 1642 Оп.1 Д.124 Л.247
9. ГАКО Ф.1642 Оп.2 Д. 1 Л.143
10. Правовое закрепление института полицейского надзора в Российской Империи [Электронный ресурс] URL: https://www.online-science.ru/m/products/law_sciense/gid569/pg0/

(дата обращения 16.09.2021)

11. О негласном полицейском надзоре, положение, утвержденное 1 Марта 1882 г. [Электронный ресурс] URL: <https://knigi.studio/istorii-gosudarstva-shpargalki-rossii/neglasnom-politseyskom-nadzore-polojenie-190996.html> (дата обращения 16.09.2021)

12. Положение о полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению административных властей // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. СПб.: Гос. тип., 1885. Т. 2. С. 84-87

13. Правила о полицейском надзоре Утв. 30 апр. (12 мая) 1867 г. Польша Комиссия внутренних дел, Б.м. 1867 – 15 с.

14. Савилов А.А. Законодательство о гласном полицейском надзоре 1880-х годов и проблемы его применения к политическим ссыльным Иркутской губернии в начале XX века // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Выпуск 8(20). Иркутск, 2017. С. 104-121

15. Токарева С.Н. Полицейские и поднадзорные: российское законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С.28-55

16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный документ] URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения 09.10.2019)

POLICE SURVEILLANCE OR METHODS OF WORKING WITH «POLITICALLY UNRELIABLE PERSONS» IN THE SECOND HALF OF THE XIX- EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF KURSK PROVINCE)*

Using the example of the Kursk province, the article examines the main methods of government work with persons with dubious «political reliability», «potential» and «real» political criminals in the second half of the XIX – early XX centuries. This paper examines the types (investigative, judicial and administrative) of police supervision. Special attention is paid to the analysis of the public and secret (secret) modes of police surveillance. During the period under review, persons who, by their behavior, gave any reason for distrust (in political terms) were subject to secret (secret) supervision. Persons whose «political unreliability» was established «officially» were subordinated to public police supervision, but the decision of the authorities recognized that stricter measures of state coercion could not be applied to these persons to correct them. The study also provides grounds for establishing supervision over persons with questionable «political reliability», describes the mechanisms of interaction between different departments of the Kursk province that monitor the political situation in the region, the activities of «potential», «real» political criminals. At the end of the study, conclusions were drawn about the role of police surveillance (both public and secret) in the system of punitive and protective measures.

Keywords: gendarmes, gendarmerie department, secret police surveillance, public police surveillance, arrest, political crime, police, state criminal.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (dalee – GAKO) GAKO. F. 1. Op. 1. D. 9671. P. 10
2. GAKO F.795 Op.1 D. 25 P.185
3. GAKO F.1642 Op.1 D. 7 P.382
4. GAKO F.1642 Op.1 D. 13 P.424
5. GAKO F.1642 Op.1 D. 14 P.205
6. GAKO F.1642 Op.1 D. 24 P.89
7. GAKO F.1642 Op.1 D. 26 P.94
8. GAKO F. 1642 Op.1 D.124 P.247
9. GAKO F.1642 Op.2 D. 1 P.143
10. Pravovoe zakreplenie instituta policejskogo nadzora v Rossijskoj Imperii Retrieved 16 September, 2021 from https://www.online-science.ru/m/products/law_science/gid569/pg0/
11. О негласном полицейском надзоре, положение, утвержденное 1 Марта 1882 г. Retrieved 16 September, 2021 from <https://knigi.studio/istorii-gosudarstva-shpargalki-rossii/neglasnom-politseyskom-nadzore-polojenie-190996.html>
12. Polozhenie o policejskom nadzore, uchrezhdennom po rasporyazheniju administrativnyh vlastej (1885) [Regulations on police supervision established by order of the administrative authorities]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. - Sobranie Tret'e. SPb.: Gos. tip., T. 2. S. 84-87
13. Pravila o policejskom nadzore Utv. 30 apr. (12 maja) 1867 g. (1867). [Rules on police supervision Approved 30 Apr. (May 12) 1867 year]. Pol'sha Komissija vnutrennih del, B.m. 15 s.
14. Savilov, A.A. (2017). Zakonodatel'stvo o glasnom policejskom nadzore 1880-h godov i problemy ego primenenija k politicheskim ssyl'nym Irkutskoj gubernii v nachale XX veka [Legislation on public police surveillance of the 1880s and the problems of its application to political

exiles of the Irkutsk province at the beginning of the XX century]. *Sibirskaja ssylka. Sbornik nauchnyh statej*. 8(20). Irkutsk. S. 104-121

15. Tokareva, S.N. (2013). *Policejskie i podnadzornye: rossijskoe zakonodatel'stvo i praktika policejskogo nadzora v Kurskoj gubernii (konec XIX – nachalo XX vv.)* [Police and supervised: Russian legislation and practice of police supervision in Kursk province (late XIX - early XX centuries)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. 38. S.28-55

16. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh 1845 g. Retrieved 9 October, 2019 from <http://museumreforms.ru/node/13654>

Об авторе

Зарубина Кристина Александровна – аспирант 3 курса кафедры истории и социально-культурного сервиса, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, Курск (Россия), E-mail: kris1996z@mail.ru

Zarubina Kristina Aleksandrovna – Postgraduate student of the Department of History and Socio-Cultural Service, lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, South-West State University, Kursk (Russia), E-mail: kris1996z@mail.ru